

Н. Д. КОЧЕТКОВА

И. Г. РАХМАНИНОВ — ПЕРЕВОДЧИК НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ
И ТВОРЧЕСТВО МОЛОДОГО КРЫЛОВА

Характеризуя журнал «Утренние часы» (1788—1789), П. Н. Берков особое внимание обратил на печатавшиеся здесь переводы из Л.-С. Мерсье, сделанные И. Г. Рахманиновым. Эти сочинения, «проникнутые пафосом тираноборчества и убежденного республиканизма, — писал исследователь, — имели большое значение как для русских читателей того времени, так и для молодых писателей с демократическими симпатиями».¹

Старший друг и учитель молодого Крылова, Иван Герасимович Рахманинов известен прежде всего как переводчик Вольтера, отчасти как издатель — владелец одной из первых провинциальных типографий в России.² Между тем переводческая деятельность Рахманинова изучена еще недостаточно. Цель настоящей работы — уточнить некоторые сведения, касающиеся сотрудничества Рахманинова в журнале «Утренние часы».

Благодаря находке Ф. А. Витберга, обнаружившего редакторский экземпляр двух частей этого издания, был определен круг русских авторов и переводчиков, принявших участие в журнале.³ Источники переводов Витберга не интересовали: он ограничился тем, что привел сокращенные названия зарубежных изданий так, как они были указаны в его экземпляре. Здесь же далеко не всегда назывался автор произведения: издатели нередко давали только ссылку на периодическое издание или сборник, из которого переводились сочинения.

Источником многих статей, переведенных И. Г. Рахманиновым для «Утренних часов», была антология немецкой поэзии на

¹ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 364.

² См.: Мартынов Б. Журналист и издатель И. Г. Рахманинов. Тамбов, 1962; Полонская И. М. И. Г. Рахманинов — издатель сочинений Вольтера. — Труды Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1965, т. VIII, с. 126—162.

³ Витберг Ф. А. Первые басни И. А. Крылова. — Изв. ОРЯС, 1900, т. V, кн. 1, с. 204—259.

французском языке, составленная Гюбером — «Choix de poésies allemandes, par M. Huber» (тт. 1—4, А Paris, 1766). Переводы немецких стихотворений в этом издании были сделаны прозой, материал располагался по жанрам.

В редакторском экземпляре все десять статей, взятые из этой антологии, помечены буквами П. И. Р., что означает «перевел Иван Рахманинов», как справедливо полагает Ф. А. Витберг. Немецкие авторы указаны только в четырех случаях: «Чудные люди» (ч. 1, с. 30—32) и «Разговор Бархатного кавтана с Подушкой» (ч. 1, с. 45—47) — сочинения Лихтвера; «Ростовщик» (ч. 1, с. 63—64) — сочинение Геллерта; «Утреннее размышление» (ч. 1, с. 177—186) — сочинение Виланда.⁴

Б. Мартынов уже отмечал интерес Рахманинова к творчеству немецких баснописцев — М. Г. Лихтвера и Х. Ф. Геллерта.⁵ Прежде всего необходимо, однако, уточнить, что именно из их произведений перевел русский писатель. Кроме названных выше двух басен в «Утренних часах» появились следующие сочинения Лихтвера: «Священник и больной» (ч. 1, с. 188—190), «Жмурки» (ч. 1, с. 206—208) и, наконец, без заглавия, в отделе «Черты великодушия и добродетели» (ч. 2, с. 74—79) перевод басни «Отец и трое сыновей» («Der Vater und die drei Söhne»).⁶

Басни Магнуса Готтфрида Лихтвера (1719—1783) в XVIII в. пользовались большой популярностью: вышло четыре отдельных издания на немецком языке,⁷ отдельное издание на французском языке.⁸ В предисловии к этому изданию переводчики, обращаясь к Лихтверу, писали: «С тех пор как французский язык начал обогащаться сокровищами немецкой литературы, немногие сочинения были удостоены такого же внимания французской публики, как Ваше». Все переводы были сделаны прозой, причем отступлений от оригинала оказалось достаточно много: в самом заглавии перевод был назван «свободным» (libre).

Гюбер не воспользовался изданием 1763 г. и поместил в антологии новые переводы басен Лихтвера, тоже прозаические, но довольно точно передававшие немецкий текст. Таким образом, Рахманинов работал хотя и не с оригиналом, но с французским переводом, который служил для него своеобразным подстрочником. В свою очередь русский переводчик в основном точно при-

⁴ Во французской антологии эти стихотворения располагаются следующим образом: «Les Hommes singuliers» (т. 1, р. 231—232); «L'Habit et L'Oreiller» (т. 1, р. 229—230); «L'Usurier» (т. 1, р. 198—199); «Cantique du Matin» (т. 2, р. 56—61).

⁵ См.: Мартынов Б. Журналист и издатель И. Г. Рахманинов, с. 27—28.

⁶ Соответствующие французские тексты, с которых переводил Рахманинов: «Le Prêtre et le Malade» (т. 1, р. 227—229); «Le Colin-Maillard» (т. 1, р. 238—239); «Le Père et ses trois Fils» (т. 1, р. 221—223).

⁷ M. G. Lichtwers vier Bücher Asopischer Fabeln. Leipzig, 1748 (Berlin, 1758, 1762, 1775).

⁸ Fables nouvelles divisées en quatre livres. Traduction libre de l'Allemand de Monsieur Lichtwehr. A Strasbourg — à Paris, 1763.

держивался французского текста. Иногда, правда, он позволял себе небольшие добавления, стремясь усилить дидактический смысл басни. Характерна в этом отношении концовка басни «Священник и больной», в которой положительным персонажем оказывается бедный старик, всегда довольный своей участью и умирающий без страха. Лихтвер, а за ним и французский переводчик не говорят о надеждах старика на «вечное блаженство». Для Рахманинова этот момент представляется важным (достаточно вспомнить в связи с этим, что споры о бессмертии души в России приняли особенно острый характер в 1770—1780-е годы), и он дополняет речь старика следующим образом: «Когда милосердный бог <...> столь долгое время соблаговолил, чтобы я наслаждался приятностями здешней жизни; то я надеюсь, что и в будущей, по его беспредельной благодати, буду я вкушать обещанное от него вечное блаженство».⁹

В переводах Рахманинова заметно стремление несколько приблизить содержание басен к русской жизни. Это делалось очень осторожно, вводились какие-то совсем незначительные штрихи, но они помогали русскому читателю увидеть в произведении немецкого автора нечто близкое и знакомое, заинтересовывали его, заставляли почувствовать некоторую причастность к тому, о чем говорилось в басне. Герой басни Лихтвера «Жмурки» («Die blinde Kuh») Gorge, названный французским переводчиком Blaise, превращается у Рахманинова во Власа; французское слово «l'habit» в русском переводе передается как «Кавтан» («Разговор Бархатного кавтана с Подушкою»). Вообще в языке Рахманинова встречаются русизмы, придающие его переводам определенный колорит: «surtout» переводится «всего пуще», «vous me crierez» — «вы мне о том сказывайте». Эти особенности языка переводов Рахманинова, как и само обращение его к басенному жанру, — факт, заслуживающий внимания. Басни, переведенные Рахманиновым, служили в некотором смысле образцом для начинающего литератора — молодого Крылова. Можно даже проследить, как некоторые темы Лихтвера были разработаны вскоре в «Почте духов», а затем и в баснях Крылова.

Особенно интересна в этом отношении басня «Разговор Бархатного кавтана с Подушкою». Вещи разговаривают о своем хозяине, причем Кавтан считает его безмятежным, счастливым человеком, наблюдая его поведение в обществе: «деньги расточает без всякого сожаления», поет песни, когда проигрывает деньги, и т. д. Но Подушка видит хозяина совсем иным: он страдает и мучается, как самый несчастный человек. Мораль басни такова: «А сие значит то, что на истинное состояние действующего лица надлежит взирать тогда, когда сойдет он с позорища света».¹⁰ Возможно, эта басня подсказала Крылову

⁹ Утренние часы, 1788, ч. I, с. 189.

¹⁰ Там же, с. 47.

тому XIV письма «Почты духов», в котором гном Зор передает подслушанные им в модной лавке разговоры дамских головных уборов: Аглинской шляпки, Французского тока, Покоевого чепчика и Блондовой косынки. Главное же, содержащаяся в басне Лихтвера идея получила в творчестве Крылова новое осмысление: писатель стремится показать людей такими, каковы они на самом деле, сорвав те маски, за которыми они прячутся. «Предо мною предстоит огромный театр с великолепнейшими украшениями, — писал Крылов в XXV письме «Почты духов», — на котором действующие лица всякого состояния: и цари, и придворные, и статские, и военные, и пастухи, и крестьяне играют различные роли во всем совершенстве, очень сходно с природою».¹¹

В отличие от Лихтвера сатира у Крылова приобретает социальный характер. Несоизмеримо, разумеется, и значение деятельности этих писателей в целом. Но бесспорно то, что знакомство с творчеством Лихтвера, благодаря Рахманинову, не осталось бесследным для Крылова.

Публикация переводов из Лихтвера в «Утренних часах», вероятно, не прошла незамеченной и для Карамзина, который через несколько лет опубликовал в «Московском журнале» стихотворный перевод той же басни «Die seltsamen Menschen» (у Рахманинова — «Чудные люди») под заглавием «Странные люди».¹² В басне Лихтвера удивительным образом оказалось много совпадений с обстоятельствами жизни самого Карамзина. Таким образом, произведения немецкого баснописца, с которыми Рахманинов знакомил русскую публику, обратили на себя внимание наиболее талантливых русских писателей, возглавивших две враждующие между собой литературные группировки: Крылова и Карамзина. Каждый из них по-своему воспринял сочинения Лихтвера, и знакомство с ним по-разному отразилось в их собственном творчестве.

Характерен также интерес Рахманинова к Христиану Фюрхтеготту Геллерту (1715—1769). С этим именем связан существенный этап в развитии не только немецкой литературы,¹³ но и русской. В XVIII в. в России Геллерта читали, переводили, подражали ему, писали о нем. Уже в 1755 г. «Ежемесячные сочинения» поместили перевод из Геллерта и письмо переводчика, в котором говорилось: «Геллертовы сочинения всегда того достойны, что не только на нашем русском, но и на всех языках читаны были».¹⁴ К творчеству Геллерта обращались очень мно-

¹¹ Крылов И. А. Полн. собр. соч., т. I. М., 1945, с. 150.

¹² Об этом переводе и его атрибуции Карамзину см.: Виноградов В. В. Неизвестное стихотворение Н. М. Карамзина «Странные люди». — В кн.: Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 324—338.

¹³ О популярности Геллерта в Германии и его высоком авторитете см.: Тронская М. Л. Немецкая сатира эпохи Просвещения. Л., 1962, с. 25—33.

¹⁴ Ежемесячные сочинения, 1755, август, с. 151.

гие русские авторы, в частности, известно, какое значение оно имело для И. И. Хемницера¹⁵ или для масонов, участников новиковского кружка.¹⁶ Радищев слушал в Лейпциге лекции Геллерта, считая это «отличным счастьем».¹⁷ Карамзин вспоминал, как в детстве он плакал над баснями Геллерта, а потом учился в пансионе по его «Лекциям по морали».¹⁸

Переводы из Геллерта, появившиеся в «Утренних часах», — пусть не очень заметный, но по-своему существенный момент в истории восприятия Геллерта в России. Из басен Геллерта, включенных во французскую антологию, Рахманинов выбрал две: «Ростовщик» («Der Wucherer») и «Смерть мухи и комара» («Der Tod der Fliege und der Mücke»)¹⁹. Оба стихотворения достаточно характерны для Геллерта: здесь преобладает не сатира, а морализация. Интересно отметить, что Рахманинов несколько даже распространил правоучительную сентенцию, завершающую вторую из названных басен. Довольно лаконичный французский текст²⁰ Рахманинов перевел так: «Успокойте волнующиеся в вас страсти, послушайте моих советов, подаваемых вам для собственной вашей пользы. Умирайте лучше смертью, достойною человечества, а не так, как несмысленные твари».²¹

В четвертой части журнала «Утренние часы» (к которой нет указаний об авторах и переводчиках) было помещено сочинение «Богатство и слава».²² Это не что иное, как прозаический перевод правоучительного стихотворения Геллерта «Reichtum und Ehre», вошедшего во французскую антологию.²³ Можно полагать, что этот перевод, как и все другие, принадлежал Рахманинову.

Богатство и слава не могут дать истинного счастья человеку — такова основная тема стихотворения Геллерта. Скупой Клеант (в русском переводе Крохобор), окруженный великолепием Люпин (Блистан), молодой и богатый, но больной Альцест (Любо-страст) — все они «хватаются за одну только пустую тень счастья». Моралистические рассуждения о добродетели завершают сочинение немецкого поэта. Однако нарисованные им сатириче-

¹⁵ См.: Lehmann U. Die Fabel bei Chemnicer und Gellert. Ein Beitrag zur deutsch-russischen Wechselseitigkeit. — In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts, Bd. II. Berlin, 1968, S. 232—244.

¹⁶ См.: Brang P. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Rußland. (Zum Problem der Attributierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts). — Zeitschrift für slavische Philologie, 1962, Bd. 30, S. 44—57.

¹⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1938, с. 180.

¹⁸ Карамзин Н. М. Избр. соч., т. I. М.—Л., 1964, с. 159.

¹⁹ Соответствующие французские тексты: «L'Usurier» (t. 1, p. 198—199); «La mort de la Mouche et du Cousin» (t. 1, p. 202).

²⁰ «Reposez doucement, et souffrez que je dise à votre gloire, que vous êtes mort en humains».

²¹ Утренние часы, 1788, ч. 2, с. 90.

²² Там же, 1789, ч. 4, с. 113—125, 129—133, 145—152.

²³ «La Richesse et la Gloire» (t. 4, p. 69—84).

ские образы — при всей их обобщенности — могли привлечь внимание и заинтересовать молодого Крылова.

Выбирая для перевода стихи из антологии Гюбера, Рахманинов явно отдавал предпочтение тем произведениям, в которых ощущалась сатирическая направленность. Сочувствием к беднякам и неприязнью к богатым ростовщикам проникнута переведенная Рахманиновым басня другого немецкого баснописца — Фридриха Хагедорна (1708—1754) «Надежда и страх» («Die Hoffnung und die Furcht»).²⁴

В «Утренних часах» Рахманинов поместил также перевод стихотворения Иоганна Андреаса Крамера (1723—1788) «Против желаний человеческих» («Wider die Wünsche der Menschen»).²⁵ Автор биографии Геллерта и его почитатель, Крамер развивает ту же тему, которой было посвящено стихотворение «Богатство и слава». Стремясь показать ничтожество человека, волнуемого честолюбивыми мечтами, писатель приводит несколько достаточно характерных примеров. О том, кого привлекает военная слава, говорится: «Ослепленный блистанием, окружающим победителей, воинственный дух его, следуя их примеру, одобряет бесчеловечное удовольствие взирать равнодушным оком на кучи умирающих людей, на опустошенные поля и на грады, превращенные в пепел». ²⁶ Не менее отрицательное отношение у автора вызывает и другой тип честолюбца: «Он добивается чести занимать первое место при государе: хочет, чтоб отдаленнейшие провинции повиновались его повелениям и чтоб слова его были решительными определениями союзов или вражды народов. Политические книги (закрывающие в себе науку хитрости и обманов) пред ним раскрыты. Учинившись штатским человеком, он удаляется от истины, научается трудному искусству льстить, и тайны его никому не бывают известны <...> Достигши до самого верха честей, он с знатными вельможами обходится ласково, а несчастных, не имеющих подпоры, не удостоивает своего взора. Он не говорит уже иначе, как двусмысленными словами, и, учинившись совершенно сильным, взирает презрительным оком и на самых наименнейших придворных. Последуемый удивлением и сопровождаемый славой и почестями, он непрестанно бывает окружаем толпою гнусных рабов». ²⁷

Аналогии этим размышлениям опять-таки нетрудно найти у Крылова. В «Почте духов», в «Кайбе» он высказывался против войн, причиной которых были честолюбивые помыслы. Особенно же близки Крылову могли быть выпады Крамера против

²⁴ Утренние часы, 1788, ч. 1, с. 138—139. — В антологии Гюбера: «L'Espérance et la Crainte» (t. 1, p. 157).

²⁵ Утренние часы, 1788, ч. 2, с. 65—77, 81—99. В антологии Гюбера: «Contre les Souhais des hommes» (t. 4, p. 20—30).

²⁶ Утренние часы, 1788, ч. 2, с. 81.

²⁷ Там же, с. 82—83.

придворных льстецов, добивающихся власти и славы любыми способами.

Крылова должны были заинтересовать и сатирические типы, изображенные в произведении, опубликованном в третьей части «Утренних часов» и озаглавленном «Привычка и природа».²⁸ Эта статья, так же как и «Богатство и слава» Геллерта, представляет собой перевод из антологии Гюбера — перевод стихотворения Иоганна Фридриха Кронегка «Gewohnheit und Natur».²⁹ Таким образом, список известных нам переводов Рахманинова можно пополнить еще одним названием. Как и в других случаях, переводчик последовательно изменял имена персонажей на русский лад. «Haragon, ce fils chéri de l'Auvergne» фигурирует как «Скряга, дражайший сынок Скупягин». Crispin, который в детстве всех обижал, а потом стал «всесветным порицателем и ругателем», получает имя Злорада; Néran, который всегда увлекался только собаками, назван Псолюбом, страстный игрок Gargile — Промотом; Mops, который никого — не любит, кроме своей лошади, — Безрассудом, и т. д. Для русских читателей того времени эти абстрактные образы, воплощавшие некое отвлеченное представление о пороке вообще, оживали под новыми именами, приобретали более конкретное содержание.

В русской литературе уже существовали свои традиции сатиры: достаточно вспомнить Кантемира, Новикова, Фонвизина — писателей, которые по праву считаются непосредственными предшественниками Крылова-публициста. Однако забывать о роли переводной литературы, составлявшей по существу часть нашей отечественной культуры, было бы несправедливо и неправильно. Более глубокая и всесторонняя оценка переводческой деятельности Рахманинова поможет еще многое понять и разъяснить в творчестве Крылова, Карамзина и других русских писателей XVIII в.

²⁸ Там же, ч. 3, с. 49—59.

²⁹ В антологии Гюбера: «L'Habitude et la Nature» (t. 4, p. 135—142).